

Леонид Андреев

ОКЕАН

ПЬЕСЫ

УДК 82-2
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А65

Андреев, Л.

А65 Океан / Л. Андреев. — М.: Т8RUGRAM, 2018. — 422 с.

ISBN 978-5-521-77862-1

Пьеса «Океан» — одна из наиболее сложных драм писателя. Противопоставление inferнального образа океана-«бездны» и земли-«точки опоры», конфликт стихийного и рационального невольно погружают читателя в глубокие философские размышления.

УДК 82-2
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC004000

СОДЕРЖАНИЕ

ОКЕАН.....	5
ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА.....	119
ПРОФЕССОР СТОРИЦЫН.....	221
НЕ УБИЙ.....	319

ОКЕАН

Действие происходит в 1782 году

Картина 1

На океан ложатся мгlistые февральские сумерки. Недавно был снег, но растаял, и теплый воздух тяжел и влажен; в глубину материка неслышными толчками гонит его морской юго-западный ветер и на смену приносит свой — душисто-острое сочетание морской соли, безграничной дали, ничем не нарушаемого, свободного и таинственного простора. В той стороне, где должно садиться солнце, происходит бесшумное разрушение неведомого города, неведомой страны: в огне и дыме рушатся здания, пышные дворцы с башнями; целые горы распадаются бесшумно и клонятся медленно, падают долго. Но ни крика, ни стоны, ни грохота падения не доносится на землю — чудовищная игра теней совершается бесшумно; и безгласно приемлет ее, отражая слабо, к чему-то готовый, чего-то ждущий великий простор океана.

Тишина и в рыбацком поселке. Рыбаки ушли на ловлю, дети спят и только беспокойные женщины, собравшись у домов, разговаривают тихо, медлят отойти ко сну, за которым всегда стоит неизвестность. Свет моря и неба позади домов, и дома и темные крыши их черны и остры, и нет перспективы: и дальние и близкие стоят рядом, как бы входят один в другой, обнимаются крышами и стонами, жмутся друг к другу, охваченные тем же беспокойством вечной неизвестности. Тут же и маленькая церковь, боковая стена ее, сложенная грубо из гранитных необтесанных камней, с глубоким затаившимся окном.

Осторожный звук женских голосов, смягченных беспокойством и наступающей ночью.

— Сегодня можно спать спокойно. Море тихо, и прибой бьет как часы на колокольне у старого Дана.

— Они придут с утренним приливом. Муж сказал, что они придут с утренним приливом.

— А может быть с вечерним: лучше думать так, чтобы не ждать напрасно.

— Но печь надо топить.

— Когда мужчин нет в доме, то не хочется зажигать и огня. Я никогда не зажигаю огня, даже когда не сплю, мне кажется, что огонь приносит бурю. Лучше притаиться и молчать.

— И слушать ветер? Нет, это страшно.

— А я люблю огонь. Я и спать хотела бы при огне, но муж не позволяет.

— Почему не идет старый Дан? Уже пора вызванивать часы.

— Сегодня Дан будет играть в церкви: он не терпит тишины, как сегодня. Когда море ревет, Дан прячется и молчит — он боится моря. Но стоит волнам умолкнуть, Дан тихонько выползает и садится за свой орган.

Женичины тихо смеются.

— Он упрекает море.

— Жалуется на него Богу. Он очень хорошо жалуется: хочется плакать, когда он рассказывает Богу о погибших в море. Мариетт, ты видела сегодня Дана? Отчего ты молчишь, Мариетт?

Мариетт, приемная дочь аббата, в доме которого живет и старый Дан, органист. Задумавшись глубоко, Мариетт не слышит вопроса.

— Мариетт, ты слышишь? Анна спрашивает тебя, ви-дела ты сегодня Дана?

— Да, кажется. Не помню. Он в своей комнате. Он не любит уходить из комнаты, когда отец уезжает на рыбную ловлю.

— Дан любит городских священников. Он никак не может привыкнуть к тому, что священник ловит рыбу, как простой рыбак и уходит в море с нашими мужьями.

— Он просто боится моря.

— Как хотите, но, по моему мнению, у нас — самый лучший в мире священник.

— Это правда. Я его боюсь, но люблю, как отца.

— Прости меня Бог, но я гордилась бы и радовалась постоянно, если бы была его приемной дочерью. Слышишь, Мариетт?

Женичины тихо и ласково смеются.

— Ты слышишь, Мариетт?

Мариетт отвечает:

— Слышу. Но разве вам не надоело смеяться все над одним и тем же? Да, я его родная дочь — неужели это так смешно, что вы будете смеяться всю жизнь!

Женичины смущенно оправдываются.

— Но он сам смеется над этим.

— Аббат любит пошутить. Он так смешно говорит: моя приемная дочь, а потом бьет кулаком и кричит: родная, а не приемная. Пусть хоть лопнет папа от злости; а она моя родная дочь.

Мариетт. Я никогда не знала моей матери, но ей было бы неприятен этот смех. Я чувствую это.

Женщины замолкают. Равномерно и глухо с правильностью большого маятника, ударяющего о берега, бухает прибой. Все еще падает на небе неведомый город, объятый огнем и дымом, и все не может упасть; и ожидает море. Мариетт поднимает опущенную голову.

— Ты что хочешь сказать, Мариетт?

— А тот не проходил? — спрашивает Мариетт тихо.

Женщина пугливо говорит.

— Тише! Зачем вы говорите о нем, я его боюсь.

— Нет, не проходил.

— Прошел. Я видела из окна, как он проходил.

— Ты ошиблась, это был кто-нибудь другой.

— Кому здесь быть другому? И разве можно ошибиться, если хоть раз увидишь, как он шагает. Других таких шагов нет ни у кого.

— Так ходят морские офицеры, англичане.

— Нет, разве я не видала в городе морских офицеров? Они ступают твердо, но открыто, им может поверить и девушка.

— Ой, смотри!

Боязливый и осторожный смех.

— Нет, не смейтесь. Он идет и не смотрит под ноги, он ставит ногу так, будто сама земля должна бережно принять ее и поставить. А если камень? — у нас много камней.

— При ветре он не сгибается и не прячет головы.

— Ну, да. Ну, да. Он не прячет головы.

— Правда ли, что он красив? Кто видел его близко?

Мариетт. Я.